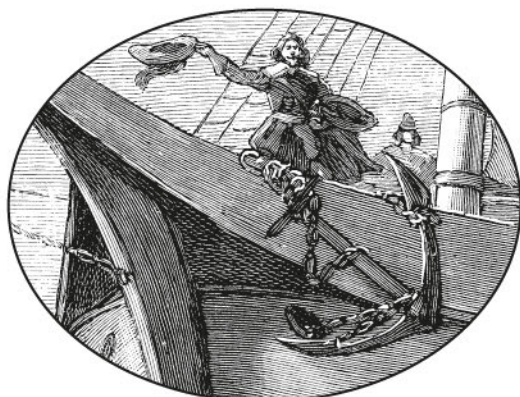

Гюстав Эмар

КОРОЛИ ОКЕАНА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Э 54

Gustave Aimard
LES ROIS DE L'OcéAN

Перевод с французского Игоря Алчеева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрации
Е. Гийо, Д. Вьержа и других французских художников

Эмар Г.

Э 54 Короли океана : роман / Гюстав Эмар ; пер. с фр. И. Алчеева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32487-9

С дальними странами, морской стихией, индейцами, золотыми приисками и прочими атрибутами приключенческой литературы французский писатель Гюстав Эмар (1818–1883) познакомился вовсе не в библиотеке. Еще мальчишкой он сбежал из дому и устроился юнгой на корабль, стремясь во что бы то ни стало добраться до «страны чудес» — Америки. Двадцать лет странствий позволили будущему писателю впрок запастись захватывающими сюжетами.

В романе «Короли океана», завершающем одноименный цикл, с удивительной яркостью воплотился сам дух приключений: атмосфера свободы, битвы на земле и на море, захватывающие любовные истории, гордые и благородные герои — пираты, авантюристы, безжалостные к врагам, но честные и справедливые.

В книге воспроизводятся иллюстрации, сделанные французскими художниками к первым изданиям романов Эмара.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-32487-9

© И. Н. Алчеев (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРОЛОГ
ТЕМНАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА I

Черные маски

24 марта года 1648-го от Рождества Христова ночной сторож, предварительно отмахав трещоткой, уже заканчивал вещать своим осипшим и дребезжащим голосом, уведомляя добрых жителей городка Ле-Сабль-д'Олон о том, что пробило десять часов вечера, дует порывистый ветер, на море большое волнение, а на дворе лютая стужа, но при том, однако ж, все спокойно и, стало быть, горожане могут мирно почивать до самого утра под боком у своих женушек, как вдруг со стороны Тальмонских ворот послышался громкий стук копыт — в город стремительно ворвалась целая кавалькада и понеслась напрямиком к отлогому берегу.

Всадники, числом с полдюжины, восседавшие на породистых скакунах, похоже, одолели неблизкий путь. Вооруженные до зубов, они были облачены в богатое, изысканное господское платье; казалось, они нисколько не тревожились, что их могут признать, потому как, хоть широкие поля шляп у них и были предусмотрительно опущены на глаза да к тому же стояла непроглядная темень, они, все как один, для вящей предосторожности были еще и в черных бархатных масках во все лицо.

Заприметив шестерых странного вида всадников, и впрямь походивших на зловещих призраков, сторож не на шутку перепугался — выронил фонарь, который, к счастью, не разбился, и затрясся всем телом; он в страхе озирался, словно ища спасения, на которое между тем ему вряд ли приходилось рассчитывать: ведь в столь поздний час горожане мирно почивали.

Бедолага и пикнуть не успел, как неизвестные разом накинулись на него, набросили сверху плащ, накрепко связали и без лишних церемоний бросили на подъездную дорожку одного из домов, где калитка по случаю оказалась незапертой; засим, подобрав фонарь, они двинулись дальше к берегу.

В тот же самый час, почти в ту же самую минуту, когда при въезде в город разворачивалась описанная выше сцена, 25–30-тонное беспалубное суденышко с люгерным вооружением, невзирая на волнение на море, беспросветный мрак и сильный ветер, кидавший его, точно перышко, с одного гребня громадной волны на другой, решительно огибало окончность бухты, в глубине которой приютился город; судно держало курс на берег, рискуя разбиться о прибрежные скалы, которые море терзало с неистовой яростью.

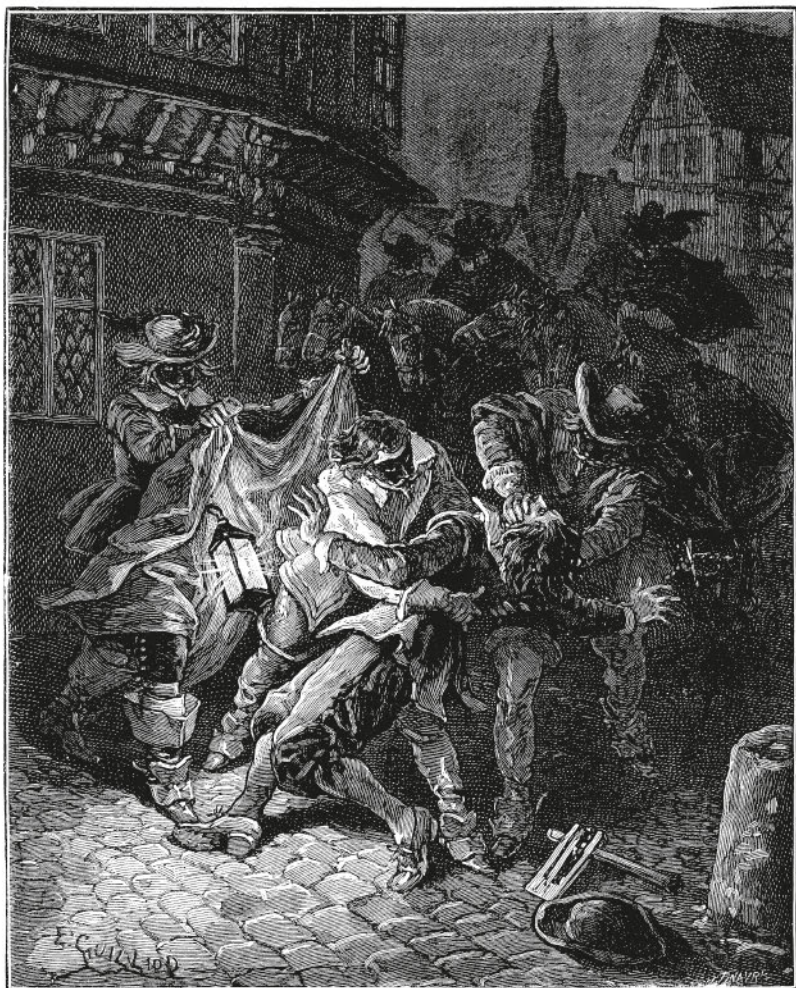
Люгер нес на носу огонь — красной звездочкой он попеременно то вздымался, то опускался, будто в ответ на таинственные сигналы из стоявшего на отшибе дома, за окнами которого поочередно то вспыхивали, то затухали разноцветные огни.

Невзирая на почти что непреодолимые трудности при подходе к берегу в кромешной ночи и в не самых благоприятных условиях, люгеру, ведомому, безусловно, рукою отважного и, главное, бывалого кормчего, удалось приблизиться к некоему подобию пирса длиной несколько туазов¹, сложенного из хрупкого камня и скальных обломков и служившего причалом. Осторожно заведя швартовы, корабль подтянулся к причалу и наконец замер в этом прибежище, где ему уже ничто не угрожало.

Людей в экипаже люгера, похоже, было предостаточно. Моряки уже заканчивали швартоваться, когда на берег въехала упомянутая выше кавалькада.

Всадники остановились на расстоянии пистолетного выстрела от причала. Тот из них, что подобрал фонарь, вскинул

¹ *Туаз* — старинная французская мера длины, равная примерно 2 метрам.

его раза два над головой. На люгере тотчас дважды подняли палубный фонарь; точно таким же сигналом ответили и из окон дома на отшибе.

Вслед за тем по безмолвному жесту одного из всадников, по-видимому главаря, четверо из них повернули обратно и с пистолетами в руках стали в конце двух улочек, спускав-

шихся напрямик к берегу. Двое других спешились, привязали лошадей к ставням близстоящего дома и быстрым шагом направились к таинственному кораблю.

Люди из экипажа люгера тоже были в масках и с оружием на поясах.

С корабля сошли двое — они шагнули навстречу всадникам и молча приветствовали их.

— С вами есть женщина? — вполголоса осведомился один из всадников.

— А с вами есть врач? — в свою очередь так же негромко спросил один из моряков.

— Он перед вами. — Всадник кивнул на своего спутника.

— Прекрасно! Стало быть, дело в шляпе?

— Точно. Он согласен на наши условия.

— Правда, сударь?

— Правда, — с поклоном отвечивал врач.

— Учтите, мы здесь не в бирюльки играем, отныне вы один из нас.

— Учту.

— И вы готовы хранить тайну, которую вам отчасти предстоит узнать?

— Готов.

— Вы трезво оценили последствия, случись вам стать изменником?

— Я все оценил, сударь.

— И по-прежнему желаете служить нам?

— Желаю.

— Ладно, доктор, не стану больше докучать расспросами, верю в вашу преданность. Служите нам верой и правдой, и вам воздастся.

Врач молча поклонился.

— Ступайте в дом да поглядите, все ли там приготовлено, как должно, — продолжал моряк. — Я скоро вас догоню. Идите же, господа!

Двое всадников откланялись и, не сказав друг другу ни слова, направились к дому на отшибе, где перед ними тут же

отворилась дверь, как будто их уже ждали. Они вошли, и дверь тотчас закрылась.

Снаружи этот дом ничем не отличался от соседних и выглядел довольно убого. Внутри же все было наоборот, к тому же комнаты располагались так, что, если в доме шумели, снаружи не было слышно ни звука. Что же до мебелировки, смотрелась она поистине роскошно.

Дом, одиноко стоявший на берегу моря, почти всегда был заперт. Обитателей его никто не знал, и на соседей он навевал невольный ужас. Не в силах выразить определенно свои страхи, люди шепотом пересказывали друг другу мрачные истории об этом жилище, где ночами окна порой зловеще мерцали, точно маячные огни, предупреждавшие об опасности. С заходом солнца запоздалые путники с опаской шарахались от дома прочь. И даже днем те, кто был вынужден проходить мимо, всякий раз ускоряли шаг, приближаясь к его жутковатым стенам.

Дверь, приводившаяся в движение, как видно, с помощью потайной пружины, отворялась перед гостями дома и затворялась за ними следом так, что хозяев было не разглядеть.

Наши двое новоприбывших, похоже, были к тому готовы, потому как не выказали ни малейшего удивления; пройдя по длинному, ярко освещенному коридору, устланному мягким ковром, совершенно заглушавшим шум шагов, они оказались перед каменной лестницей с перилами из кованого железа, по ступеням которой стелился тот же ковер, что покрывал и пол в коридоре. Лестницу вполне сносно, хоть и тускловато, подсвечивала лампа под матовым шаровым колпаком, помещавшаяся в нише. Двое гостей поднялись по лестнице на второй этаж, и один из них — всадник, — приоткрыв дверь, отодвинул тяжелую, расшитую узорами портьеру и пропустил своего спутника в некое подобие прихожей, всю обстановку которой составляли дубовые скамьи без спинок.

Нигде не задерживаясь, они миновали несколько комнат, обставленных с самой изысканной роскошью и утонченным вкусом, и наконец прошли в опочивальню, по правую и левую руку от которой размещались туалетные комнаты.

В камине полыхал огонь — он согревал приятным теплом всю комнату, освещенную приглушенным светом, не резавшим глаза. На столе теснились бутылки причудливых форм, а рядом были разложены хирургические инструменты, прикрытые салфеткой, — все свидетельствовало о живейшем участии или предусмотрительности и было приготовлено с поспешностью, необходимой при серьезных случаях.

— Взгляните, доктор! — коротко бросил сопровождавший, показывая рукой на стол.

Врач с важным видом осмотрел склянки и хирургические инструменты, потом повернулся к спутнику, не сводившему с него глаз.

— Вот и замечательно, все на месте, — сказал врач довольным тоном, не выражавшим никаких сомнений. — Дело осталось за малым — произвести осмотр!

— Какой еще осмотр?

— Возможно, мне понадобится помощь.

— Все предусмотрено, доктор. В случае надобности по первому же вашему слову или знаку помощь явится без промедления. Будут у вас еще просьбы?

— Нет, сударь, никаких.

— Тогда я вас оставлю. Помните, что вам было сказано, доктор, и не вешайте нос, а пациент вот-вот явится. Главное — отсюда ни ногой.

— Даю слово, сударь.

Спутник доктора, наскоро попрощавшись, ретировался.

Оставшись один, врач какое-то время стоял неподвижно, чуть подавшись вперед и неотрывно глядя на дверь, — вид у него был весьма озабоченный. Но по прошествии некоторого времени, не услышав никакого шума, он выпрямился и настороженно осмотрелся вокруг, дабы лишний раз удостовериться, что за ним никто не следит.

— Так надо! — молвил он. — Времени на раздумья нет!

С этими словами он направился напрямик к столу, заставленному склянками со всякого рода разноцветными снадобьями. Тщательно осмотрев наклейки на склянках, он еще раз

напоследок огляделся вокруг и, осторожно достав из бокового кармана хрустальный флакон, втиснул его между остальными.

В это время снаружи послышался едва уловимый шорох.
— Пора! — сказал себе доктор.

Не выразив ни малейшего удивления и даже не повернув головы на шум, что выдало бы его тревогу, врач взял плошку и принялся приготавливать микстуру со всем тщанием и внимательностью, какие лекари той поры, впрочем очень похожей на наше время, вкладывали в свое священнодействие, дабы точно отмерить снадобья и вещества для смешивания.

В этот миг портьера приоткрылась и на пороге объявился моряк, тот, что расспрашивал доктора во время их встречи на пристани. Вошедший обвел взглядом комнату, махнул рукой и пропустил вперед четверых матросов с носилками, на которых лежала женщина, закутанная в длинную накидку и одеяло, оберегавшие ее от стужи: ибо она была в одной лишь ночной сорочке.

Насколько можно было судить по молочно-белой, удивительно нежной и гладкой коже ее лица, наполовину сокрытого черной бархатной полумаской, то была совсем еще юная девица; густые пряди светлых шелковистых волос благоуханными волнами ниспадали ей на плечи и грудь, прикрывая их полностью. Ее тонкие, безупречно правильной формы руки ослепительной белизны с голубоватыми прожилками вен свободно покоились по бокам носилок. Девушка как будто пребывала в забытии — ни единого уловимого выдоха не вырывалось из ее милого рта, обрамленного бледными, чуть приоткрытыми губами, обнажавшими двойной ряд белоснежных, с перламутровым отливом зубов.

Моряк махнул рукой, и носильщики остановились возле камина, осторожно положили носилки на ковер и, не проронив ни слова, вышли из комнаты — дверь за ними снова затворилась.

Вслед за тем моряк обхватил девушку, точно ребенка, своими сильными руками и очень бережно переложил на по-

стель. Покончив с этим, он поднял носилки, отворил дверь, передал их кому-то из своих, ожидавшему снаружи, и вернулся к доктору.

Тот как раз осматривал больную.

— Ну что? — через мгновение осведомился моряк, тщаь скрыть тревогу.

— Что ж, она спит, — отвечал врач, глядя ему прямо в лицо.

— Спит?.. Значит, она в сознании?

— Самым натуральным образом, и кому, как не вам, полагаю, об этом знать лучше?

— К чему вы клоните?

— К тому, что, сдается мне, вы-то и опоили ее сонным зельем.

Моряк отрицательно мотнул головой.

— Нет, не я, — сказал он. — Все случилось без моего ведома. Если б я знал, так бы не переживал. Она в опасности?

— Ничуть, хотя доза, чего там скрывать, была сильна — ретивые у вас, однако, друзья-приятели, знают, как вам угодить.

— Не понимаю вас, доктор, соблаговолите-ка объяснить, прошу покорно! Я не привык разгадывать загадки, — отвечал моряк с ноткой высокомерия в голосе, никак не вязавшегося с его рядом.

— Да нет в моих словах никакой загадки, — впрочем, буду краток, — холодно проговорил врач. — По некоторым причинам вы, верно, заинтересованы, чтобы эта девушка произвела на свет младенца, сама того не ведая. Так вот, радуйтесь, сударь, она родит во сне. И с этой стороны, по крайней мере, — прибавил он с легкой усмешкой, — ваша тайна останется под крепким замком.

Моряк, или претендовавший на звание такового, пребывал во власти живейших душевных переживаний — и не обратил внимания на тон, каким врач произнес последние слова.

— Выходит, доктор, вы считаете?.. — промолвил он, не отдавая отчета тому, что говорит.

— Не считаю, сударь, а говорю с полной уверенностью, — строго отвечал врач. — А случилось, кстати сказать, вот что:

у девушки наступил последний срок беременности; нынче вечером, часов около семи, у нее начались схватки. Бортовая и килевая качка легкой посуды, на борту которой она находилась, порядком утомила ее и ускорила роды. Схватки сопровождались нестерпимой болью и жуткими приступами, и тогда кто-то из ваших дружков-приятелей, вероятно сведущий в медицине, объявил, что роженица не переживет мук, если ей не дать хоть немного отдыха. И тогда ваш приятель решил опоить ее каким-то зельем, которым, конечно же, запасся заблаговременно, и влил его ложками ей в рот. Несчастливая и впрямь успокоилась, потому как тотчас впала в сон, а вернее, в оцепенение, настолько глубокое, что любой другой, кроме опытного врача, по ошибке счел бы ее мертвой.

— Все так! — сокрушенно признался моряк. — Истинно так, и я напрасно старался скрыть такое дело. Дивлюсь вашей учености... Так что же будет с бедняжкой?

— Родит во сне.

— Прямо этой ночью?

— Не пройдет и часа.

— И ей уже ничто не угрожает?

— Ничто, уверяю вас. Только прошу, изымите зелье у своих дружков и впредь не пытайтесь повторить ничего подобного — добром это не кончится.

— Значит, вы думаете?..

— Да ничего я не думаю, боже сохрани! Лично я не знаком с вашими друзьями! Только вам знать, может, среди них и есть кто-то, кому выгодно одним махом свести счеты с матерью и младенцем. Еще лишних две-три капли этого зелья — и с ними обоими было бы покончено уже сегодня. Я вас предупредил, и вам решать, как поостеречься, ежели хотите избежать беды.

— Какой ужас! — вскричал моряк, закрывая лицо руками. Повисла долгая тишина.

Врач повернулся к изголовью многострадальной роженицы и озабоченно проверил ее пульс.

Моряк в сильном возбуждении мерил комнату шагами.

— Доктор, — наконец сказал он, подойдя к врачу, — соблаговолите уделить мне несколько минут!

— Я к вашим услугам, сударь; роды раньше полуночи все равно не начнутся, а сейчас еще нет и одиннадцати.

Они уселись в кресла — врач разместился так, чтобы можно было неотрывно наблюдать за роженицей.

— Говорите, я весь внимание, сударь, — промолвил он, наклонясь к собеседнику.

— Сударь, — начал тот с оттенком сомнения в голосе, — вы, верно, знаете — врачи все равно что исповедники?

— Да, знаю, сударь. Мы, как и они, совершаем священнодействие — лечим раны как душевные, так и телесные, а по сему нам можно верить все.

— Ну что ж, доктор, раз уж у нас в запасе, как вы говорите, еще целый час...

— И говорю еще раз, сударь.

— Ладно, я воспользуюсь данной мне отсрочкой и, с вашего позволения, выложу все начистоту.

— Как вам будет угодно, сударь. Замечу, однако, что я ничего от вас не требую и никоим образом не призываю поверять мне свои тайны.

— Понимаю и благодарю вас, сударь, но у меня разрывается сердце, и душу терзают угрызения совести. Я расскажу все, как на духу. Совесть не дает мне покоя не только за прошлые ошибки, но и, признаться, за злодеяния, которые я еще только думаю совершить!

— Берегитесь, сударь, последние ваши слова слишком серьезны. И я, право, не знаю, стоит ли мне выслушивать вас дальше.

— О чем это вы?

— Тайны, которые вы собираетесь мне поведать, в некотором роде обратят меня в вашего пособника.

— А разве вы уже не стали им?

— Ничуть.

— Как это — ничуть? Не вы ли приняли все наши условия?

— Конечно, сударь, но позвольте, эти условия и правда весьма почетны для меня, и, ежели вы их забыли, я вам напомню в двух словах: какой-то человек в маске явился ко мне в Тальмон среди ночи и предложил осмотреть девушку на сносях, предупредив, что по причинам, затрагивающим честь двух семейств, о предстоящих родах не должна знать ни одна живая душа. Он обещал, что, если я соглашусь поехать с ним и сохранить все в тайне, мне будет выплачено солидное вознаграждение.

— И вы согласились и поехали.

— Да, согласился и поехал, сударь, потому что мы, врачи, должны проявлять человечность и наше ремесло сродни долгу. К нам часто взывают о помощи в случаях, подобных этому, и мы не колеблясь откликаемся на зов, поскольку наше присутствие — залог не только благополучия, но и утешения для несчастной женщины, которую мы окружаем своими заботами. Она знает — мы сбережем младенца, которого она произведет на свет. И потому повторяю: будет ли нам награда или нет, мы неколебимо жертвуем собой.

— Так к чему вы, в конце концов, клоните? — с нетерпением спросил моряк.

— А клоню я, сударь, вот к чему, и тут все ясно и понятно: ни одна женщина, вверенная моему попечению в подобных обстоятельствах, не может пасть жертвой злодеяния, а ее младенец, коли отец отречется от него, будет принят мною на воспитание и помещен в надежное место. Вот, сударь, что я имел и, главное, хотел вам сказать, дабы вы уяснили себе — я не был и никогда не буду вашим приспешником.

Моряк вскочил и в сильном волнении два-три раза обошел комнату.

— Да кто же вам сказал, доктор, — молвил он, снова усаживаясь в кресло, — что вас собираются принудить к злодеянию?

— Никто, просто я четко оговариваю мое отношение к вам, дабы потом между нами не было никаких недомолвок, только и всего. Ну а теперь я готов выслушать ваши признания.

— Я ни в чем не собираюсь вам признаваться! — гневно вскричал моряк.

— Как вам будет угодно, сударь, мне без разницы. Но, поскольку нам остается еще около получаса, я, с вашего позволения, расскажу вам одну историю в подтверждение моих слов. История короткая, к тому же, убежден, она вас заинтересует.

— Почему же эта ваша история, или что там у вас на уме, должна меня заинтересовать, сударь?

— Просто потому, что она имеет прямое отношение к тому, что сейчас здесь происходит.

— О! — воскликнул моряк, сверкнув глазами сквозь прорези маски. — Надеюсь, она нескучная, ваша история?

— Вообще нет, сударь, зато она самая что ни на есть правдивая — от первой буквы до последней. Да вы и сами увидите, если позволите мне ее рассказать, благо у нее есть большое преимущество: она короткая.

— Так рассказывайте, прошу вас, не стану вам мешать, раз уж нам больше нечем скоротать время.

— Я воспользуюсь вашим милостивым дозволением, сударь, и начну.

— Как угодно, — бросил моряк, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

— Ладно! — с легкой усмешкой продолжал врач. — Не пройдет и пяти минут, как вы будете настолько заинтригованы, что невольно откроете глаза.

— Вот еще!

— Уверен. Итак, начнем...

Моряк слегка пожал плечами, но глаза так и не открыл.

ГЛАВА II

В которой рассказ доктора внезапно прерывается

В положении, в котором оказались двое наших собеседников, возможно не знавших друг друга, скрывавших свои лица под масками у изголовья роженицы, погруженной в глубокий сон, больше похожий на смерть, было что-то странное и злое.

Каждый видел в другом не просто противника, но и врага. Они оба, конечно, были исполнены решимости и, вероятно, заблаговременно приняли меры предосторожности; в глубине души каждый рассчитывал одержать верх над противником в столь необычном поединке.

Но эта борьба не могла тянуться слишком долго: близился час, когда врачу пришлось бы уделить все внимание пациентке; моряк же, со своей стороны, прятал под личиной безразличия неподдельный страх. Как избавиться от неудобного свидетеля, который того и гляди выведет его на чистую воду и узнает его тайну? Резко прервать разговор? И перейти от слов к делу? Силой заплучить то, что противник не пожелал дать с миром, отвергнув великолепные предложения, которые были ему сделаны? Моряк перебирал в голове все эти мысли с лихорадочным пылом, ожидая удобного случая, чтобы принять решение, когда противник наконец раскроет ему эту непостижимую тайну и выдаст свои помыслы. И тогда-то, оценив степень опасности, он сумеет принять действенные меры и даже, если понадобится, прибегнуть к крайним средствам.

Достигнув определенного предела, человек ни перед чем не останавливается — каковы бы ни были уготовленные ему

препятствия, он сокрушает их либо погибает. Таково было сейчас умонастроение моряка, хотя невероятным усилием воли он скрывает свои чувства: первым делом он хотел знать все — и этой причины было довольно, чтобы сдерживать свой гнев, не давая ему вырваться наружу.

А врача, казалось, вполне серьезно заботило, как бы еще пуще распалить воображение собеседника. Добившись наконец, к своему удовлетворению, задуманного, он выпрямился, взглянул на роженицу, повернулся к моряку, который сидел все так же, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, два-три раза откашлялся и, покончив с церемониями, повел свой рассказ.

— Сударь, — сказал он елейным голосом, в котором, однако, сквозила колкая ирония, — я не стану долго злоупотреблять вашим терпением. Для вящей занимательности история должна быть прежде всего короткой. Та же, которую вам предстоит услышать, удовлетворяет этому условию вполне. На первый взгляд это самая обыкновенная история о девушке, обольщенной и, хуже того, обманутой человеком, которому она отдала свое сердце. История и впрямь самая что ни на есть обычная, даже банальная, ведь такое в наши дни случается сплошь и рядом. И я не стал бы вам докучать ею, если б она не выходила за рамки заурядных салонных интрижек, и все благодаря мудрости и верности бедной девушки, с одной стороны, и коварству ее гнусного обольстителя — с другой.

— А? Что вы сказали? — вдруг, приподнимаясь, зло воскликнул моряк.

— Я сказал — коварству ее гнусного обольстителя, — приторно-сладким тоном продолжал врач.

— Валяйте дальше!

— Вам уже интересно?

— Может, и так. Вы же неспроста взялись рассказывать мне свою историю, высосанную из пальца...

— Простите, сударь, моя история, если угодно, правдивая.

— Пусть так! Но, повторяю, неспроста же?

— Да, сударь.

— Что же у вас за цель?

— Предоставляю вам, сударь, догадаться самому. Впрочем, если в двух словах, вы вольны остановить меня, как только все поймете.

— С чего вы взяли, что я стану вас прерывать?

— Как знать! Быть может, мой рассказ придется вам не по душе. К тому же прикусить язык для меня проще простого.

— Простите, сударь, но вы хотели говорить, вопреки моему желанию вас слушать. Вы начали, так надобно закончить. Теперь уже я настаиваю, чтобы вы досказали свою историю. Вы произнесли два слова, и мне угодно, чтобы вы объяснились.

— Охотно, сударь, тем паче что те два слова, показавшиеся вам крепкими, лично мне представляются чересчур мягкими применительно к злодеянию, в котором повинен герой моей печальной истории. Итак, одного молодого человека, неотступно преследуемого конной стражей (он был ранен двумя выстрелами; с одним обломком шпаги в руке, он чувствовал, что силы оставляют его вместе с кровью, хлещущей из ран, и готов сдаться с одной лишь надеждой на погибель, окажись он в руках тех, кто гонится за ним по пятам и от кого ему не будет пощады, ибо, удирая, троих из них он убил, а четвертого серьезно ранил)... Так вот, этого молодого человека чудесным образом спас незнакомец, который выскочил из лесу прямо на стражников и обратил их в бегство после отчаянной, хотя и длившейся не больше четверти часа схватки, из которой он вышел победителем ценой глубокой раны правой руки. Незнакомец, невзирая на ранение, поднял несчастного юношу, растянувшегося посреди дороги почти без признаков жизни, взвалил себе на плечи и сам, обессиленный, едва не ваяясь с ног, дотащил его до замка, где жила его матушка вместе с его же юной сестрой и немногочисленной челядью. В замке несчастного юношу окружили самыми чуткими заботами, и, дабы уберечь от гонителей, ему отвели потайную комнату. А через пару дней после случившегося нагрянула конная по-

лиция. Юноша, которого приняли с таким радушием, оказался государственным преступником, и за его голову была назначена награда. Тогда же спасителю стало известно и имя спасенного, поскольку прежде он все никак не решался его об этом расспросить. И вышло так, что их семьи разделяла лютая ненависть — они были непримиримыми врагами. Но мысль о легкой мести через предательство ни разу не пришла в голову приютившему под своей крышей врага. Стражники перевернули весь замок вверх дном и в конце концов убралась восояси, потому как ничего не нашли. Ну а чем же герой этой истории отплатил своему спасителю за благородство души? Гнусной и постыдной изменой, соблазнив сестру того, кому был обязан жизнью. Чистой, невинной, преданной девушке на пару с матерью выпало заботиться о раненом — выхаживать его. Не смея посвятить в свою тайну ни одну живую душу, мать и дочь поочередно, и никогда вместе — из страха вызвать подозрения, наведывались к раненому в потайную комнату и дарили ему утешение. И вот в один из таких приходов человек этот, в чьей порочной душе не осталось ни единого благородного чувства, коварно овладел сердцем девушки, вынудив ее забыть про долг перед собой и теми, чье имя, до той поры ничем не запятнанное, она носила. Его проступок был тем более омерзителен, поскольку бедное дитя осталось наедине со своей матушкой — без сильной защиты и опоры. Ее брату пришлось неожиданно покинуть Францию спустя недели две после того, как он дал приют этому человеку. Жалкий мерзавец все знал, потому как перед отъездом избавитель наведаялся к нему с такими благородными словами: «Наши семьи были давними врагами, но после того, что случилось, мы больше не вправе ненавидеть друг друга — отныне мы братья. Я перепоручаю вам матушку с сестрой и засим прощаюсь!»

— Сударь, — гневно вскричал моряк, резко вскакивая с места, — берегитесь!

— Кого и чего мне беречься, сударь, скажите на милость? — спокойно спросил врач. — Уж не усомнились ли вы, часом,

ГЮСТАВ ЭМАР
КОРОЛИ ОКЕАНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Наталья Бобкова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.03.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

